

УДК 101.1

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ СОВРЕМЕННОГО ДАГЕСТАНСКОГО ИСКУССТВА

С. Г. Гейбатов

Институт языка, литературы, искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье предпринята попытка философского осмысления непреходящего значения творчества основоположников дагестанского профессионального искусства в становлении профессиональной школы живописи, академического музыкального искусства и ваяния.

The article aims at philosophical understanding of the lasting value of the creative activity of the founders of Daghestan professional art for the development of professional painting school, academical musical art and sculpture.

Ключевые слова: основоположники дагестанского искусства; философия; экзистенция; музыка; живопись; скульптура.

Keywords: founders of Daghestan art; philosophy; existence; music; painting; sculpture.

Историческая ориентация в глобальном мировом пространстве современной цивилизации, безусловно, является одним из значимых условий культурного воспроизводства и социально-экономического преуспевания любого человеческого коллектива. Именно открытие исторического времени и исторического самосознания является ключевым духовным ноу-хау Нового времени – эпохи модерна, важнейшим коммуникативным и идентификационным маркером современной нации, центральной операционной системой ее устойчивого культурно-цивилизационного и общественно-политического функционирования [1].

Вне зависимости от различных и противоборствующих теорий политической креации и обстоятельных философских дебатов в недрах либеральных, постмарксистских и традиционалистских концепций (от антиисторизма К. Поппера, С. Лазарюса, Р. Генона до не потерявшего своего значения классического исторического материализма и разнообразных версий т.н. «нового историзма») можно утверждать, что механизм производства исторического времени является определяющим модусом воспроизводства текущего политического настоящего. Другое дело, каким оказывается и как мыслится эта политическая процессуальность: в сингулярно-креационистском духе «антропологии имени» С. Лазарюса или «метаполитике» А. Бадью, в трансцендентальной прозрачности коммуникативного действия Ю. Хабермаса и неопрагматизме К.-О. Апеля, или каких-либо неопрогрессивистских вариантах классического исторического сциентизма или постмодернистских теориях рассказа Ж.-Ф. Лиотара [2, с. 37]. Как бы там ни было, правомерно сказать в духе Мартина Хайдеггера, что современная политическая экзистенция ввиду самого присутствия *экзистенциала Заботы* оказывается неизбежно захваченной проблемой квантифицирования времени, распределенной по различным институциональным и внеинституциональным регионам современной культуры.

Таким образом, в самой процессуальности заботы о настоящем мы открываем для себя и опыт предшествующих поколений, в том числе и столь предопределяющий и фундаментальный для нашей национальной политической культуры опыт становления и развития советской эпохи, опыт, с самого начала имеющий свой язык и свой словарь образов, свое историческое и экзистенциальное бытие, отраженное и воплощенное в жизни и творческом наследии основоположников дагестанского искусства – Г.А. Гасанова, М.-А. Джемала и Х.-В. Аскар-Сарыджи.

В чем актуальный и внутренний смысл этого воплощения? Каковы его цивилизационные ориентиры и историко-философское значение? В чем историческая специфичность диалектики личного и эпохального открытия перед лицом этих во времени повторяющихся вопросов: «Кто мы?» «Откуда и куда мы идем?»... В мультикультурную бездну вдребезги разбившегося зеркала постмодернизма, в цивилизационный паноптикум глобального мондиализма, в трансгуманистическое будущее нетократии и новейших биотехнологий или пустыню новой сакральности и традиционалистского средневековья? К дисциплинам какой телесности и отражения призывает нас новейший политический активизм салафитов, исламских

традиционалистов или, напротив, «бесбашенная вакханалия» либералов? И, наконец, у кого мы должны спросить обо всем этом?

Думается, ответ очевиден – у наших предшественников. У тех, кто непосредственно стояли у основ профессионально искусства, – просвещенных и открытых историческому саморазвитию дагестанцев и россиян. У тех, кому мы всем обязаны и перед кем находимся в долгу, у кого мы получили наш исторический кредит доверия, который, по сути, является не ярмом и тяжкой, а скорее бескорыстным даром судьбы, «даром Бытия, заслоненного и сокрытого за спиной дежурной популистской демагогии, этой расхожей монеты, главным церемониймейстером сонма призраков и опекуном свиты политического Субъекта» Ж. Деррида [3].

Прав был М. Хайдеггер, и у него были на то свои философские, жизненные и политические основания, чтобы говорить утвердительно, что, обращаясь за даром Бытия, нам следует направлять наши стопы не к политикам, а к поэтам [4]. Сквозь «неторные тропы» языка к нам направляется Глас вопиющего и забытого Бытия, которое в силу самой своей покинутости, непрезентативности и нищеты не может быть подвержено политической приватизации и подручному технологическому использованию. Иными словами, можно уверенно говорить о теснейшей связи Истории и Поэмы как двух сторонах той Великой Политики, о которой некогда мечтал Фридрих Ницше, как важнейшего условия подлинного человеческого самопознания и самоуразумения. Вот исходя из чего мы должны направлять практику научного исследования творчества основоположников дагестанского искусства, следуя по их стопам обращения к своим предшественникам, из их метода вопрошания истории и метода воплощения поэтического, организуя возможность встречи внешнего и внутреннего, локально-регионального и глобально-мирового, национального и всечеловеческого, эстетико-художественного и этико-мировоззренческого опыта, доставшегося по наследству от предков, и сознания, приобретенного в результате трансисторической поэтической рефлексии.

Удивительно симптоматична в эпохальном смысле личная судьба и историко-цивилизационная миссия основоположников дагестанского искусства – Г.А. Гасанова, М.-А. Джемала и Х.-Б. Аскар-Сарыджи. Судьба, ставшая знаковой и определяющей для всей истории национальной художественной и общественно-политической культуры. Творчество и мировоззрение, в котором были осознаны и презентированы фундаментальные сдвиги в культурно-историческом этосе наших народов, видоизменена онтогносеологическая основа традиционного и этнонационального самосознания, последовательно и программно открывшего для себя и манифестировавшего опыт эмансипированного эстетико-художественного сознания, светской этики и исторического самоосмысления в духе общемировых тенденций построения национального государства как важнейшего условия для устойчивого воспроизводства культурной этноэкологии, социально-экономического развития и политической стабильности в духе общераспространенных идей социального оптимизма и просвещенческих идеалов общественно-исторического прогресса.

Весьма примечательно, что их социал-демократические политические убеждения оказались связаны с эстетико-художественными ценностями мировой классической культуры, а этические коды прогрессивной русской интеллигенции, восходящие к ряду дискурсивных практик русско-европейского двора, были встроены в изменяющийся разновременной политической режим функционирования «государства трудящихся» и официальной советской пропаганды. Это сочетание аристократических ценностей с концепцией государства социальной справедливости стало важнейшим условием трансляции и усвоения дагестанцами новых образов и стилей жизни, ставших впоследствии центральной критериальной и социологической стратой современной системы образования, определяющим, идентификационным маркером для практически всех сословий дагестанской наднациональной интеллигенции – примером современной повседневной, политической, интеллектуальной и художественной культуры дагестанцев. Гармоничное сочетание народно-социалистического начала с элементами классической светской и просвещенческой культуры, отрефлексированных развитым чувством историзма и национальной памяти, не только нашло свое

высокохудожественной воплощение и достигло общечеловеческого звучания в произведениях Г.А. Гасанова, М.-А. Джемала и Х.-Б. Аскар-Сарыджи, но и стало значимой идеологической альтернативой и смягчающим сублимационным механизмом на пути противостояния распространению национально-клерикальных и либерально-консервативных идей и социальных концепций, способствуя трансформации традиционно-реакционных бессознательных комплексов в русле системной целостности социалистического государства, создавало условия для необратимости дальнейшего общественного прогресса советского народа.

Эта магистральная линия развития современной дагестанской культуры, сыгравшая определяющую роль в процессе формирования системы художественного образования и национальной школы профессионального искусства [5, с. 11], столь отличная от эмигрантской линии развития дагестанской политической и художественной культуры, истинным певцом и бытосказателем которой явился первый художник Дагестана – Х.-Б. Мусаев, стала главным историческим бастионом классической советской национальной культуры, сформировала магистральное русло официального академического художественного мейстрима как советского, так и постсоветского времени, метанарратив новейшей национальной истории.

В многочисленных панорамах национальной природы, интонациях музыкальных ладов, портретах современников и исторических героев, лирических элегиях и патетике трудовых советских будней, во всем многообразии жанрово-видовой, тематической и экспрессивной палитры перед нами открывается образ живого человека как высшего творения природы и творца собственной истории, в которой оптимизация его врожденных и социальных качеств проникнута духом глубокого историзма и устремленности в будущее. При всем драматизме тем, поднимаемых в произведениях основоположников, при всем трагизме отдельных сцен и сюжетов в суммарном плане перед нами встает образ дагестанца, предельно открытого окружающему миру и наполненного энергией исполинских сил исторического поэзиса, лейтмотивом которого пронизаны строки Расула Гамзатова: «Люди, люди, далекие звезды, долететь бы мне только до вас!»...

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
3. Мазин В. Субъект Фрейда и Деррида. СПб: Алетейя, 2010. 256 с.
4. Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. М., 1993. С. 197.
5. Магомедов Д.М. Дагестанская классика в творчестве Г.А. Гасанова, М.-А. Джемала, Х.-Б. Аскар-Сарыджи // Становление профессионального искусства Дагестана: сб. науч. ст. / сост. и ред. М.А. Якубов. Махачкала, 1982. С. 10-17.

* * *